

Норвежский институт внешней политики (НУПИ), Осло, 18-е июня 2008 г.

Министр иностранных дел Юнас Гар Стёре

Программная речь об отношениях между Норвегией и Россией

Речь переведена на английский и русский языки

Прежде всего, я хочу поблагодарить Норвежский институт внешней политики за возможность встретиться со столь сведущей аудиторией.

Начну с двух картин/образов, одна из них датирована октябрём 2005 г., вторая – нынешним июнем.

Итак, первый день после смены правительства в октябре 2005 г.: на борту российского судна «Электрон», задержанного по подозрению в незаконном лове рыбы в Баренцевом море и пытающегося скрыться от преследования в бурном море, находятся норвежские рыбные инспектора.

Во всех отношениях ситуация драматична – и там, в открытом море, и в политике, где оттачиваются взгляды на морское право. Я провожу первую беседу со своим коллегой Сергеем Лавровым, беседу деловую и добрую, в которой он выражает сожаление по поводу поведения капитана и одновременно напоминает о российском взгляде на данный политический вопрос. Понадобится две-три ночи, прежде чем судно окажется в спокойных водах, действия норвежской береговой охраны и российского флота будут согласованы, – наши граждане будут освобождены, а против капитана выдвинуто обвинение.

Другими словами, вот вам картина возможного современного конфликта между Норвегией и Россией, а с другой стороны – уровень нашей способности строить норвежско-российские отношения на момент октября 2005 г.

А теперь другая ситуация, другая картина: как сформулировал адмирал Грюттинг, командующий вооружёнными силами Северной Норвегии, во время моего посещения Рейтана возле г. Будё с моими шведским и финляндским коллегами в октябре 2007 г., на севере мы перешли от необходимости времен холодной войны справляться с одной крупной военной угрозой к совместному улаживанию нескольких факторов риска. По его словам, обороне самой по себе не присущ ни один из этих факторов риска. И чтобы справиться с большинством из них Норвегия должна стремиться к сотрудничеству с Россией, с соседями и партнерами.

Основополагающей гарантией безопасности для Норвегии является НАТО. Но при росте общения, торговли, обмена и деятельности на севере, где нашим соседом является Россия, мы сталкиваемся с целым рядом вызовов, которые не приводят к необходимости использовать гарантию безопасности. Это хорошо уже само по себе. Мы будем помнить о ней и поддерживать в ней жизнь через членство в НАТО. Но наша историческая задача на севере заключается в выработке иной повестки дня, все более отдаляющейся от эпохи холодной войны. И это также хорошо.

И еще один образ, фотография, датируемая июнем 2008 г.: мы с коллегой Лавровым посещаем большой и хорошо ухоженный памятник красноармейцам в Киркенесе. Для него это не только первый визит в Киркенес, но и в Мурманск (в скобках замечу, что для меня в качестве министра иностранных дел это была третья поездка в Мурманск).

Возле памятника стоял мой удивленный и явно растроганный российский коллега, держа в руках цветы, - в Норвегии, стране-члене НАТО, на Западе, где мы все эти годы следили за тем, чтобы сохранить память обо всех тысячах россиян, участвовавших в освобождении Финнмарка в 1944 г. А дата на календаре при этом – июнь 2008 г. «Может быть, норвежцы сумеют навести Лаврова на новые мысли», - написал в газете «Афтенпостен» Мортен Фюн, присутствовавший при этом.

Этого мы не знаем. Этого нельзя утверждать, но эти образы повествуют об эпизодах из норвежско-российских отношений. И нужно заметить следующее:

Наши отношения с Россией всегда будут иметь два весомых измерения:

Одно измерение - соседское, норвежско-российское. Другое характеризуется нашим членством в НАТО и принадлежностью к той общности, которая продолжает восприниматься как Запад и которую Россия понимает как Запад, а также отношением Запада к России. Это второе измерение также находится под влиянием отношений России к другим соседям, многие из которых являются нашими союзниками.

Наша политика по отношению к России будет зависеть от того, как мы справляемся с этими измерениями, т. е. как мы развиваем соседские отношения и одновременно закрепляем наши интересы, выходящие за рамки двухсторонних. Ибо нам всегда будет нужно укрепление, которое может упрочить равновесие в отношении к большому и не всегда предсказуемому соседу.

Опыт, вынесенный из двухсторонних отношений, и опыт из более широкого европейского контекста, будут испытывать взаимное влияние, как это и было всегда. Но теперь это будет происходить новыми способами, с измененным исходным пунктом и измененными последствиями. От понимания этого взаимодействия зависит, будет ли наша политика по отношению к России успешной.

Между двумя фотографиями, о которых я говорил, лежит множество других образов, которые рассказывают о фрагментах истории, - это многочисленные норвежско-российские встречи, сообщения об настроении в обществе, беседы - такие, как встреча министров иностранных дел арктических государств в северо-западной Гренландии, встречи в Мурманске, Москве, заседания Совета НАТО-Россия в Брюсселе, Риге и Бухаресте, беседы в Нью-Йорке, Лондоне и Трумсе, все более частые визиты министров в обе страны, беседы по телефону. Рыбаки, заводские рабочие, губернаторы, оперные певцы, специалисты по морскому праву, российские студенты в Будё и школьники в Киркенесе, норвежские исследователи и деятели искусств в Санкт-Петербурге и так далее.

Но также и вот такое: российские самолеты в воздушном пространстве возле побережья Норвегии, суда в море, напряженность вокруг старых и новых конфликтных линий в Европе: Косово, расширения НАТО, ракетной обороны.

Картины составляют целый альбом из реальностей новейшей внешней политики и политики безопасности.

И мы можем в самом начале моей речи поддаться соблазну взглянуть на настоящее в свете прошлых событий. День в день, именно 18-го июня 1979 г. Джимми Картер и Леонид Брежнев подписали договор ОСВ-2, первый в мире договор о ядерном разоружении, и мы помним фотографии этих двух настолько различных людей вместе. А если остаться в северных регионах, то 18 июня 1928 г. Руалд Амундсен отправился в спасательную экспедицию за итальянцем Нобиле и погиб, вероятно, где-то над островом Медвежий – трагическое выражение основной реальности нашей страны - Норвегия была и остается полярной нацией.

Да, это тоже свидетельствует о размахе той темы, о которой я буду говорить.

Непросто понимать мир, в котором постоянно происходят изменения, и проводить политику, закреплённую на прочных и узнаваемых опорах и вместе с тем призванную противостоять новым волнам и столкновениям, справляться с ними. Часто много рабочего времени уходит на то, чтобы отреагировать на отдельные вопросы, которые поднимаются активным и сведущим общественным мнением, заголовками СМИ и темами дебатов недели.

Но вы, сотрудники НУПИ, знаете лучше, чем большинство других, что нам нужно время для выработки стратегического мышления. Нам нужно осмыслить и применить знания, и основанные на фактах, и аналитические. Мы должны увидеть долгосрочные тенденции, в том числе в норвежско-российских отношениях.

Отношения с Россией всегда занимают одну из первых строчек в повестке дня норвежского правительства. Почему? Ответ кажется очевидным, таким, как в каталоге выставки, посвященной Норвегии и России, в Норвежском народном музее и Санкт-Петербурге в 2005 г.: «Более тысячелетия норвежцы и россияне жили бок о бок как хорошие соседи... Внешняя граница Европы на севере была местом встреч для Норвегии и России. Хорошо известный факт из географии – чем дальше продвигаешься на север, тем ближе сходятся запад и восток». Этими словами начинается вступление в каталоге, который, следует заметить, в 2014 г. станет новым издательским проектом. Ну вот, теперь я сообщил о нем официально.

С первого дня своей работы теперешнее правительство придавало особое значение использованию возможностей и задач, которые появляются по причине развития северных регионов и все большей открытости России.

Увеличение усилий в северных регионах является важнейшей стратегической областью нашей внешней политики. В связи с этим развитие отношений с Россией является основным приоритетом как для внешней политики правительства в целом, так и для нашей стратегии в отношении северных регионов. Северные регионы являются близлежащими, и для Норвегии они важны в отношении как политики с соседними странами, так и глобальных вопросов. Здесь они сходятся вместе.

И поскольку с северными регионами связаны некоторые из наших важнейших вызовов и крупнейших возможностей, во многих случаях их можно решать только в сотрудничестве с Россией. Да, мы должны привыкнуть к тому, что во многих областях Россия может быть не только частью проблемы, как гласила наша «ментальная карта» в течение многих лет, но во все большей мере частью решения многих задач на севере. Не путем того, что мы идем на компромисс с основными ценностями или интересами, а потому что нам удастся продолжать развивать эти отношения.

И позвольте констатировать: я считаю, что соседские отношения с Россией развиваются в позитивном ключе и что они вряд ли когда-либо были более широкими, чем сейчас, хотя предстоит сделать еще многое.

Это свидетельствует о том, насколько замороженными были эти отношения. Об этом надо помнить. Часто в общественных дебатах проявляется слишком мало понимания к исходной точке, мы часто оставляем ее позади, т. е. то, с чего мы начинали путь, каким был старт, когда мы начали развивать более тесные и нормальные соседские отношения после десятилетий холодной войны.

Мы должны сосредотачивать наше внимание на том, чего не хватает нашему сотрудничеству и что предстоит сделать, но также и на том, что сделано, т. е. на контрасте между 1990-м годом и сегодняшним днем или тем, что произошло с 1980-го или 1970-го года. Я утверждаю, что речь идет в буквальном смысле об «океане различий».

Находить баланс между твердыми позициями, принципами, недвусмысленным образом действия и вопросами, позволяющими и требующими мыслить и действовать по-новому, необходимо как в нашей политике по отношению к России, так и в остальной части нашей внешней политики.

В новой обстановке безопасности, которую обрисовал прошлой осенью для нас адмирал Грюттинг, норвежское понимание безопасности шире равновесия военных сил, экономических формул и прибыли. Понятие интересов сохраняет военное измерение, нашу способность следить за объемом и качеством российских сил, расположенных в близости от наших районов, наши военные стратегии.

Но теперь сюда входят также и вопросы климата, окружающей среды, глобальной безопасности, транспортной инфраструктуры, миграции, решения конфликтов, прав человека и демократического развития, т. е. ключевые слова для наполнения содержанием более широкого понятия безопасности.

На этом фоне наша политика в отношении России испытывает влияние от всего спектра российского политического развития. И конечно, наши отношения с Россией в целом испытывают влияние от того, как Россия «выясняет свои отношения» с Западом.

Поэтому основополагающие интересы Норвегии – чтобы Россия развивала и укрепляла демократию, правовое государство, права человека и свое гражданское общество, постепенно нашла свое место в мировой экономике и сети обязательств международного сообщества. Это снизит опасность увеличения напряжения и конфликтов, возведет мосты между людьми, предприятиями, организациями, местными органами власти, правительствами и другими кругами.

С другой стороны общество, обладающее авторитарными чертами, изменчивым и иногда недостаточным уважением к правам человека, в котором к тому же неравномерно распределены блага, а органы власти находятся в невыясненной конкуренции друг с другом, - все это следует рассматривать как современные факторы риска. Такая страна - «трудный» сосед.

Нехватка прозрачности или открытости, коррупция и плохо работающий судебный аппарат не создают благоприятного инвестиционного климата. Это заметили некоторые норвежские компании и отрасли. Доверие к России как соседу и европейскому партнеру будет напрямую зависеть от способности страны показывать постоянный прогресс в этих областях.

Одновременно становится ясно, что с точки зрения природы отношения между нами были и остаются неравными. Речь идет о географии, о реальности. По территории Россия – крупнейшая страна в мире, занимающая 17 миллионов квадратных километров, растянувшаяся на 10 часовых поясов, имеющая 140 миллионов жителей.

Нашим соседским отношениям всегда будет присуща асимметрия. Этот фактор имеет значение для нашей пробивной силы в отношении к России. Сотрудник НУПИ Хельге Блаккисрюд (Helge Blakkisrud) указывает на это в своей отличной статье, написанной в рамках проекта МИД по составлению отчета «Глобальная Норвегия – а что теперь?», который является частью проекта «Рефлекс». Он пишет, что «один из самых больших вызовов Норвегии в двухсторонних отношениях (с Россией) - просто-напросто привлечь внимание Москвы... чтобы норвежские интересы попали в зону охвата московского радара». Подмечено удачно.

Тем не менее, осмелюсь утверждать, что мы ведем хороший диалог с Россией, диалог, наполненный значимым и конкретным содержанием, важным для обеих стран, и мы считаем, что нам удалось привлечь внимание Москвы, если позволите воспользоваться словами Блаккисрюда.

Это объясняется, в частности, тем, что внешнеполитический контакт с Россией сегодня выходит за рамки двухсторонних отношений и во многих областях эти отношения, по нашему мнению, нормализуются. Да, мы в большей степени можем вести разговор о международных вопросах без навешивания ярлыков и стереотипов на все, что исходит от Москвы, как, например, позиции, появившиеся из-за того, что они находятся в противоречии с Западом.

Один из примеров этому – Ближний Восток. Россия является членом так называемого «Квартета», куда входят ЕС, ООН, США и Россия. Мы играем свою роль. Поэтому я поддерживаю с Лавровым регулярную тесную связь по ближневосточным вопросам, в том числе и по телефону. Во все большем числе областей мы обнаруживаем совпадающие анализы и вопросы, обсуждение которых представляет взаимную пользу.

Некоторые общие и не совсем общие интересы в северных регионах также движутся в том же направлении, – они привлекают внимание, в буквальном смысле слова радары, в Москве и в Осло. У России нет фундаментально новых интересов на севере, но у нее есть фундаментально новая возросшая способность их преследовать. Для обеих стран северные регионы играют важную роль как, конечно же, на региональном, на

национальном, так и на более широком международном уровне. Ключевыми словами здесь являются энергетика, транспорт, изменения климата. И все это напрямую затрагивает обе страны.

Асимметрия – да, но давайте одновременно и помнить, что такие асимметричные соседские отношения есть во многих других местах и многие из них гораздо сложнее, чем наши отношения с Россией.

Многие десятилетия эта асимметрия дополнялась глубоким идеологическим и политическим разделом, вмерзшим разделом, который отражал холодную войну. Теперь мы можем надеяться, что именно этот раздел зарастает, что границы на севере не проходят по крайней мере между идеологиями и представлениями о мире в целом.

Но уверенными мы быть не можем. Вновь наши отношения с Россией характеризуются отношением России к Западу. И вновь нам часто напоминают, что Россия - это «иное место», как верно сформулировал Петер Нурманн Ваге (Peter Normann Waage), что дальнейший путь России не ясен для нас и что мы должны учитывать, что может в России и ее отношении к нам и окружающему миру произойти регресс.

Одновременно с этим мы видим, что положительное развитие наших двухсторонних отношений происходит в период, когда отношения между Россией и Западом становятся более сложными. Оба процесса идут одновременно и происходят в период, когда растет беспокойство западных стран по поводу развития России.

По поводу демократического развития в России и проявлений авторитарной системы управления возникает ряд вопросов. Что касается внешней политики, это реакция России на расширение НАТО, на ракетную оборону в Польше и Чехии, временная приостановка Россией договора ДОВСЕ, раскол Востока и Запада в ОБСЕ, урегулирование ситуации в Чечне и нарушения прав человека в этом регионе в течение продолжительного времени, примеры того, что и после окончания холодной войны Россия продолжает ясно обозначать собственные интересы и держит соответствующую дистанцию западным настроениям, признаки новой поляризации между Россией с одной стороны и США и Европой – с другой.

В той же мере сюда относятся и рассуждения Хельге Блаккисрюда в той же статье - «неудовлетворение, характерное для России в ее отношениях с Западом, во многом» объясняется тем, что «Россия чувствует себя великой державой, но к ней не относятся как к таковой», и сопротивление, с которым она сталкивается на международной арене «передается затем населению в преувеличенном виде».

Именно с такой Россией сталкиваемся мы все – в рамках соседских отношений и вместе со многими из сегодняшних союзников по НАТО, у которых история взаимоотношений с Россией содержит гораздо более драматические главы, чем у нас. Это страны, которые действительно были оккупированы или до недавних пор жили на положении вассальных государств, страны, лидеры которых сами пережили это, страны, которые заявили о намерении вступить в ЕС и НАТО, чтобы не допустить повторения этого, страны которые испытывают явное давление и стресс из-за энергетической политики России.

Здесь мы имеем более широкое полотно, из которого теперь состоит Запад и которое имеет значение для поиска Западом путей в отношениях с Россией. Норвегия принадлежит Западу. А с другой стороны мы – соседи и можем сослаться на наш тип соседских отношений, мы могли это делать даже, когда холодная война достигала самых холодных отметок. Сегодня мы переживаем довольно бурное развитие двухсторонних отношений, и наше соседство уникально.

Наверное, кто-нибудь спросит: «А не будет ли развитие в направлении принципиально качественно нового и более глубокого сотрудничества с Россией противоречить нашим связям с западными союзниками?»

Может ли возникнуть напряжение между трансатлантической солидарностью и нашими соседскими интересами с Россией?

В этом заключается вызов Норвегии – сбалансировать соседские отношения с нашей трансатлантической принадлежностью. Много изменилось со времен холодной войны. Но для меня эта принадлежность остается незыблемой. Она должна оставаться именно для того чтобы справляться с асимметрией. Она вытекает из географического положения и ресурсов.

Кое-кто считает, что мы ослабляем наши позиции на севере, оставаясь за пределами ЕС, что именно ЕС представляет широкое сотрудничество, которое может придать нам сил в решении новых задач в области безопасности, что основополагающая гарантия безопасности НАТО достаточно важна, но не всегда приложима к решению малых и больших задач на севере.

Такой взгляд возможен. Но даже если Норвегия и не входит в ЕС, то в любом случае она тесно интегрирована в Евросоюз, в его институты, в кооперацию с его членами, в Северное измерение, в единство с нашими североевропейскими соседями. На севере, с Россией, но также и с нашими европейскими и североамериканскими партнерами строится новая общность интересов.

Укрепляющиеся противоречия между НАТО и Россией или то, что может напоминать на блочный менталитет эпохи холодной войны, не отвечает интересам Норвегии. Поэтому мы заинтересованы работать для того, чтобы такая напряженность не стала довлеющей в наших двухсторонних и международных отношениях

Мы не одиноки в этом. Многие другие страны-члены НАТО разделяют наше желание находить и укреплять каналы сотрудничества с Россией. В то же время мы входим в альянс, в котором мы должны придерживаться некоторых принципиальных ценностей и обязательств и в котором мы вместе с остальными союзниками должны ясно и отчетливо доносить их до сведения России.

Здесь играет важную роль Совет НАТО-Россия. В интересах всего НАТО - стоять сейчас вместе с Россией, когда мы сообща встречаем новые вызовы в области безопасности, непохожие на логику холодной войны, в которых нет места понятиям «мы» и «они» или «перед/за железным занавесом». С этими вызовами безопасности мы должны справляться вместе. Задача найти им ответ лежит на всех нас.

Россия граничит с несколькими из стран, в которых явно идет мобилизация и обучение террористических групп. В Совете НАТО-Россия мы использовали знания россиян об Афганистане, борьбе с наркотиками, обсуждали транзит по российской территории оборудования вооруженным силам в Афганистане, а также распространение оружия массового поражения. В основу обсуждения лег российский опыт, связанный с террористическими актами. Следует в дальнейшем развивать это и продолжать расширять такую общую повестку дня, подчеркивая ее важность.

И давайте взглянем на новую реальность: сегодняшняя Россия в отличие от Советского Союза является активной частью мировой рыночной экономики.

Данное фундаментальное изменение часто недооценивается. Россия зависит от продаж своих энергоносителей и продукции на мировом рынке. Миру нужны энергоносители, но и России нужно их продавать. Интеграция России в мировую рыночную экономику является фоном, на котором страна желает войти в международные форумы – такие, как ВТО и ОЭСР. И я считаю, что мы в целом должны встретить ее в них словами «добро пожаловать».

Такое членство создает более широкие рамки для привлечения друг друга к ответственности – так, как мы можем это делать сегодня через Совет Европы, - ответственности членов, ответственности тех, кто идет к членству, например, в ОЭСР, где в частности предъявляется требование единомыслия или *likemindedness*. На этом пути мы будем напоминать о ней.

Есть еще одна черта в наших отношениях с Россией, – тенденции к определенной поляризации в мире повышают значение форм регионального сотрудничества. Может быть, это более легкий и практичный тон, направленный на сотрудничество в региональных советах. В них обсуждаются более ограниченные, более конкретные вопросы, представляющие значение для стран-участниц.

После распада Советского Союза Баренцево сотрудничество открыло двери взаимодействию Норвегии и России на севере. Уникальной стороной этого сотрудничества было и остается то, что оно действует как инструмент для контакта не только между центральными органами власти, но и между местными и региональными органами и участниками.

Баренцево сотрудничество – это полотно наших связей сегодня.

Одним из самых важных достижений является значительная степень нормализации отношений между норвежцами и россиянами, о которых, например, рассказал Ханс Кристиан Амундсен в своих размышлениях о севере. Это большое преимущество само по себе. То, что сегодня нам кажется естественным, было почти невысказано 20 лет назад, но об этом мы забываем. В течение всех этих лет то, что Баренцево сотрудничество является собственностью Северной Норвегии, было и остается движущей силой.

Мы провели систематическую работу, возможно, противореча традиционной мудрости, царящей в среде специалистов по политике безопасности, которые ставят под вопрос такое построение контактов снизу. Идет ли это в зачет в мире, где все решает сила? Но я считаю, что история доказывает, что это дает значительные результаты.

Баренцев секретариат в Киркенесе, которым владеют три северо-норвежские губернские коммуны и которому оказывает финансовую поддержку МИД, за 15 лет своего существования поддержал 2800 проектов по сотрудничеству в Баренцевом регионе на региональном уровне (которые, кстати, сейчас прошли тщательную оценку и получили положительное заключение). А диапазон их самый широкий: от открытия на Кольском полуострове радицентра, ведущего вещание на коренные народы до завода в Мурманске по производству оборудования для ИКТ. Размах большой.

Вряд ли можно переоценить эффект от этой деятельности на первоначальном уровне, на уровне широких масс, укрепляющий доверие и повышающий опыт и знания. Он закладывает фундамент – да и сам является фундаментом – широкого сотрудничества на севере между органами власти, деловыми кругами, школами, учреждениями культуры, гражданским обществом и отдельными людьми.

Вместе с Советом стран Балтийского моря Баренцево сотрудничество является форумом, где перечисленные моменты напряжения и признаки поляризации не так заметны. Как мне кажется и как недавно выразил мой российский коллега, они являются самыми инновационными формами сотрудничества в сегодняшней Европе. И не меньше.

У нас есть и еще один быстро растущий форум – Арктический совет, который является естественным органом, где придается форма политике, необходимой нам в арктическом регионе. В его рамках предполагается, что правительства и организации, в частности при важном участии коренных народов, готовы разработать такую политическую повестку дня. Норвегия созывает в настоящее время внеочередную встречу Арктического совета на уровне статс-секретарей, которая пройдет осенью и на которой будут обсуждаться климатические изменения и другие политические вопросы. А новая встреча министров пройдет весной 2009 г.

Конечно, здесь мы тоже встретимся с Россией, этой, наверно, ведущей полярной нацией (и позвольте добавить, мы встречаем и растущий интерес издалека – из таких стран, как Индия и Китай). Водружение российского флага на дне под Северным полюсом или где-то вблизи показало новую российскую мощь в арктических вопросах. Но кроме символического значения мы видим, что Россия придерживается буквы закона, текста Конвенции по морскому праву о том, что континентальный шельф определяется на основе предоставленной документации, которую Россия предоставила. В большой степени у Норвегии и России совпадают взгляды на юридические вопросы в Арктике, и это мы тоже ясно заявляем.

Поэтому Кьелль Драгнес смог назвать свой репортаж со встречи пяти арктических прибрежных государств, прошедшей недавно на Северо-западе Гренландии, «Теплая встреча в Арктике». Наверно, вы написали «теплая», потому что она была посвящена последствиям глобального потепления, но таким же словом можно было бы описать и атмосферу встречи. Прибрежные государства были в большой степени согласны друг с другом и обсуждали важные вопросы без поляризации или идеологизации интересов.

Норвегия имеет явные права в Арктике. Но мы также несем ответственность. Говоря в целом, речь идет о политической ответственности. На это же делают упор и другие государства, граничащие с морскими районами Северного полюса: Россия, США,

Канада и Дания/Гренландия. Встреча министров стала признанием нашего юридического фундамента и необходимости новой политики в этих рамках.

Кроме того, мы наблюдаем подход ЕС, и, говоря о региональной географии, я хочу упомянуть о Северном измерении, в котором на правах полноправных членов принимают участие Норвегия, Россия и Исландия. Это еще одни рамки, в которых мы можем развивать сотрудничество и связи с современной Россией, еще одна значительная разница по сравнению с реальностью холодной войны.

Позвольте мне также указать на возродившееся североевропейское сотрудничество в области политики безопасности: министры иностранных дел североевропейских стран договорились, что Турвал Столтенберг возглавит новую североевропейскую группу по сотрудничеству в области внешней политики и политики безопасности. Соседство и сотрудничество Северной Европы с Россией занимают здесь, конечно, центральное место. Это было бы немыслимо всего лишь несколько лет назад, так же, как и Северное измерение - значительная разница по сравнению с реальным железным занавесом холодной войны.

Что касается северных регионов, мы видим, что область соприкосновения с ЕС и интерес с его стороны значительны. Сейчас, например, в Брюсселе ведется работа над выработкой стратегии в Арктике, с норвежской стороны мы пристально следим за этой работой и вносим в нее свой вклад. И вновь главной задачей МИД в отношении нашей деятельности в северных регионах является углубление общности интересов с нашими партнерами, и не в последнюю очередь партнерами по ЕС.

Друзья,

В России сменился президент, хотя аналитики и задают себе вопрос, действительно ли это была смена.

Но я видел в кабинетах чиновников в Мурманске на прошлой неделе, что теперь на стенах висят два портрета – Путина и Медведева, но президент при этом висит на несколько сантиметров выше. Вот вам и пища для размышления по вечному предмету «кремлелогии».

Но при всем цинизме анализа хорошо отрежиссированной смены давайте поймем президента на слове и привлечем к ответу:

Во время своего первого зарубежного визита – в Германию - Медведев выступил 5 июня в Берлине перед парламентариями и представителями гражданского общества и, в частности, сказал:

”Сегодня многие задаются вопросом, какой политики ждать от России... Сразу скажу: в международных делах, как и внутри страны, мы будем прежде всего настаивать на верховенстве права, на соблюдении всеми государствами – и прежде всего ведущими державами – международного правопорядка. Это, без сомнения, ключевое условие поддержания управляемости мирового развития».

И чуть дальше Медведев сказал о модернизации и экономическом развитии в России: «Но очевидно одно: свободный рынок и открытость внешнему миру гарантируют необратимость наших перемен». И это его действительно занимает.

Надо понимать это заявление в свете прошлого России. В 90-е годы после распада Советского Союза маятник качнулся от герметично закрытой страны, ядерные ракеты которой были нацелены на Запад, к России, где многое прекратило свое существование.

Советский Союз, а также его преемница Россия, в известном смысле проиграли холодную войну. Политический, идеологический и экономический крах России привели к тому, что страна не имела силы на международной арене, и 90-е годы стали временем, когда в качестве политических средств по отношению к бывшей супердержаве применялись своего рода «благотворительность» и «политическое нравоучение».

Это не было благоприятной исходной точкой. В какой-то момент времени началась реакция. Россиянам присуща гордость, как и многим другим народам. Также неверно понимать, по моему мнению, что «отсутствие» России на сцене при обсуждении важных международных вопросов было своего рода желаемой «политикой разрядки».

Я бы счел, что в эти годы мы упустили множество хороших возможностей приобщить Россию, как мы это сделали в Баренцевом сотрудничестве. Это были года потерянных возможностей.

Сейчас мы видим, что укрепление экономики с ежегодным приростом более 7%, запасы нефти и газа, по большей части еще неиспользованные, огромное сырьевое богатство в виде леса и минералов, отсутствие долгов и 700 миллиардов долларов валютных резервов вернули России веру в себя и во всяком случае дают ей возможность убедиться в своем авторитете во внешней политике.

Россия вернулась на международную арену, - не как великая держава, но как большая власть. Власти страны восстанавливают мощь, гордость, репутацию. Во всех внешнеполитических контекстах они вдалбливают: Россия – не та страна, которой можно диктовать. Россия сама хочет ставить условия. Лавров в своих речах подчеркивает, что Россия хочет участвовать и вносить вклад в решение глобальных проблем, но при этом хочет думать «своей головой».

На мой взгляд, мы не можем толковать это как смену политики. Мы скорее видим ее укрепление по сравнению с 90-ми годами, когда из-за слабости своего положения Россия была вынуждена проводить нежелательную для себя политику.

Когда Россия утверждает себя, и мы видим, что обновленная ментальная картина «бедной и слабой России» больше не отвечает действительности, мы легко можем соскользнуть к логике холодной войны. Нам не следует этого делать. В любом случае нам не следует думать, что прошлая холодная война копируется. Такое редко происходит.

Если посмотреть на норвежские газетные статьи за последний год, то мы найдем большое их количество, посвященных как раз вопросу, угадывается ли новая холодная война в конурах нового поведения России.

Возобновление полетов возле наших берегов и других берегов и границ дает почву для таких выводов. И нам следует учитывать, что одним из регионов, где эта самоутверждающаяся Россия захочет себя проявить и «распустить перья», - это как раз северные регионы, рядом с нами. Опять это потребует от нас мудрости и твердости, какие мы проявляли раньше в этом регионе.

В ноябре прошлого года я сказал своему коллеге Лаврову: «Моему правительству легко приводить доводы в пользу закупки новых самолетов-истребителей теперь, когда Россия имитирует нападение бомбардировщиков на Будё». Важно дать ясно понять России, как воспринимается ее поведение и заявления, и в то же время прислушиваться к тому, как Россия воспринимает действия Запада. Это также является частью данного диалога.

Я считаю, что мы должны отложить в сторону эту ментальную карту, которая говорит, что мы приближаемся к новой холодной войне, – да даже сознательно избавляться от нее. Мы не должны позволять образу мыслей превращаться в самоисполняющиеся пророчества. Напряжение сегодня не обусловлено идеологией, как это было 20 лет назад.

Скорее мы должны стремиться к тому, чтобы понять долгосрочные планы России. И НУПИ должен помочь нам в этом. Это непросто. И неоднозначно, что это совершенно надежно, хотя, как уже говорилось, Норвегия прожила в мире с Россией тысячу лет.

Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт считал, что для того, чтобы понять Советский Союз нужно прочесть «75% Достоевского и 25% Ленина». Я думаю, что в таком сочетании до сих пор что-то есть. А Шарль де Голль с нежеланием употреблял понятие «Советский Союз» и предпочитал говорить «Россия». Я думаю, что можно больше понять, если присмотреться к российскому гербу и заметить постоянное напряжение между двумя головами российского орла, его слежением за принадлежностью к Западу или к Востоку.

Мы не должны быть наивными. Норвегия имеет государственную границу и акватории, общие с Россией, демонстрирующей новую силу и игру мышц, примеры чему мы видим. На Норвегии остается ответственность за стабильность крупных морских районов. Возрастает значение природных ресурсов в северных регионах. Сейчас, как и раньше, важно продолжать иметь адекватную оборону на севере и принадлежность к союзникам, которая даст нам безопасность и гарантию, а также психологическую готовность к тому, что развитие в России может повернуть в действительно негативном направлении.

Однако я хочу предостеречь против того, что иногда можно принять за русофобию, и против размышлений о холодной войне в общественных дебатах. Сейчас у нас есть то, чего не было раньше, а именно тесный диалог по огромному количеству тем и общих вызовов, и здесь возникает двусторонность. У нас идет обмен мнениями – открытый обмен – о норвежских и российских общих интересах. У наших отношений есть широта и глубина – политическая, экономическая, культурная, межличностная – которых никогда не было раньше.

Это целый лес связей по сотрудничеству. В этом заключается качественная и количественная новизна. Это не магическое заклинание, которое решает проблемы и отменяет закон притяжения. Но это ведет соседство и все взаимодействие на севере в новых направлениях. Пройдет время, прежде чем это отложится в изменениях, но мы должны уметь использовать это, чтобы способствовать дальнейшему развитию двусторонних отношений и влиять на более положительное сотрудничество также между Западом и Россией.

А как же насчет одного из самых серьезных возражений – развития демократии в России?

Короткое время тому назад мы с удивлением смотрели на проведение парламентских и президентских выборов. Кое-кто назвал их «managed democracy», управляемой демократией. Мы, кто рассматривает независимое гражданское общество как столп, базу знаний и важную коррекцию властям, обеспокоены по поводу возросшего контроля над российским гражданским обществом и СМИ. Нераскрытые убийства журналистов и нарушения прав человека в Чечне, которые не влекут за собой должного судебного преследования, свидетельствуют о том, что России предстоит еще длинный путь по соблюдению принципов правового государства.

Здесь я вижу перед собой картину, о которой мне рассказали: напротив входа в здание Верховного суда РФ, которое недавно отреставрировали и отремонтировали, стоит статуя богини правосудия Юстиции. Если присмотреться к ней, как, наверно, это делали многие из вас, то можно обнаружить, что у российской Юстиции нет повязки на глазах. Говорят, что когда статуя создавалась, был сделан вывод, что не нужно завязывать глаза Юстиции. Это нужно в капиталистических странах, но не в Советском Союзе, где справедливость и равенство перед законом установлены раз и навсегда.

Сегодня Юстиция отреставрирована, но повязка, как и прежде, отсутствует. В этом есть что-то символическое, что, наверно, показывает, как трудно отказаться от призраков прошлого, в том числе и в России.

И я считаю, мы должны настаивать на внесении пункта по правам человека в повестку дня так же, как и когда мы поднимаем отдельные дела, подчеркиваем значение принципов правового государства или разделяем нетерпение всей Европы из-за того, что Россия не ратифицирует Протокол 14 к Европейской конвенции по правам человека.

Это не поучающая нотация. Коммуникация, которая представлена так, не умна. Нам на пользу Россия, в которой наблюдается социальный и экономический прогресс, Россия, в который укрепляется демократия.

Мы хотим делать все, что в наших силах, чтобы внести свой вклад в поддержку такого развития. На мой взгляд, что-либо иное было бы признаком плохого соседства. Поэтому наша поддержка сотрудничества между норвежскими и российскими общественными организациями – это удачно использованные инвестиции, а не подарки в виде денег. Всего, вместе с финансированием мероприятий в области экологии, прав

человека, права коренных народов, молодежных организаций, оказанием поддержки организаций СМИ и журналистов, в 2007 г. было выделено 37 миллионов крон.

Время от времени Россия возражает против того, что многие из общественных организаций финансируются из-за рубежа. Мы должны объяснять и показывать, что такие подозрения не обоснованы. В беседах, которые я провожу, я обсуждаю вопросы прав человека, это же делают и мои коллеги со своими российскими партнерами.

После того, как Медведев был избран президентом, он несколько раз высказался за укрепление гражданского общества и независимой правовой системы в России. И заметьте: он придает значение тому, чтобы страна признала основные европейские ценности – демократию, гуманизм, принципы правового государства. 5-го июня в Берлине он, например, сказал: «Мы крайне заинтересованы, чтобы появлялось как можно больше неправительственных организаций, занимающихся ... укреплением толерантности... Я абсолютно согласен с тем, что свобода СМИ требует защиты – защиты в рамках законодательства».

Одни российские правозащитники положительно отозвались об этом, другие отмечают это, говоря, что человек, который много лет был так близок к верхам, не будет теперь меняться.

Когда мы выражаем нетерпение и критикуем Россию за невыполнение своих обязательств, например, как члена Совета Европы, мы одновременно должны не забывать о том, что развитие настоящей демократии, в которой существует серьезное отношение к гражданскому обществу, а оппозицию уважают и ценят, складывается в результате длительного процесса. Наша задача заключается в обеспечении того, чтобы Россия избрала этот путь и придерживалась его.

С другой стороны, признание того, что «на все нужно время», не должно убаюкивать или быть оправданием. Поэтому критичный и заинтересованный диалог должен оставаться важной стороной наших дискуссий с Россией в контактах Норвегии и в контактах Запада с Россией. Любой диалог будет идти лучше, если будет основываться на уважении. И я считаю, что мы оказываем России уважение, которое делает такой диалог возможным.

У Норвегии есть те возможности и те вызовы, которое дает нам соседство с Россией. И здесь можно назвать много областей. На встречах в Киркенесе и Мурманске на прошлой неделе мы затронули многие из них. И я хочу их назвать сейчас, потому что в целом они рисуют новую картину не только наших отношений с Россией, но и отношений через границу на севере.

Во-первых, несколько слов о сотрудничестве деловых кругов.

Развитие нефтегазового сектора на севере подсказывает нам, что мы стоим на пороге значительного роста и развития по обе стороны границы. Многие ожидают далеко идущих последствий. Губернатор Евдокимов рассказал, что на развитие Штокмановского месторождения будет затрачено 50 миллиардов долларов и 19 из них будут вложены в Мурманскую область. На прошлой неделе областная администрация

представила Лаврову и мне планы развития Мурманского порта. Речь идет о больших суммах. Строительство приведет к созданию многих рабочих мест.

Баренцев регион может стать крупным поставщиком энергии в США и Европу. Я ранее уже говорил и с удовольствием повторю, что северные регионы могут стать нефтегазовой провинцией мирового значения. Норвежские нефтегазовые компании обладают специфическим ноу-хау, набранным в ходе развития нашего собственного опыта освоения шельфа. Он будет востребован.

Но мы знаем, что конкуренция предстоит острая. И все-таки в интересах как Норвегии, так и России, чтобы именно наши две страны сотрудничали и на уровне органов власти и на уровне компаний. И чтобы поддержать деловые круги мы хотим продолжать устранять преграды, препятствующие сотрудничеству через границу с Россией, и утверждать благоприятные рамочные условия с тем, чтобы норвежские предприятия и компании получали лучшие предпосылки для участия в этом развитии.

В стратегии по северным регионам мы предложили открыть экономическо-промышленную зону сотрудничества с Россией в приграничном районе, чтобы поощрять рост сотрудничества. Мы назвали ее «Поморской зоной», чтобы привлечь внимание к той общности, которая существовала до того, как в 1917 г. началось «долгое затишье». Картина будущего вырисовывается большая, идея сложна, а перспективы долгосрочны. Но мы имеем право ставить перед собой высокие цели.

А пока мы ведем работу шаг за шагом над конкретными инициативами, чтобы наполнить это видение содержанием. Мэры Сёр-Варангера и Печенги хотят начать сотрудничество городов-близнецов, и правительства обеих стран поддерживают эту инициативу.

И затем вопрос инфраструктуры. В основном движение продолжает идти в направлении север-юг и слишком мало – восток-запад. Конкретным результатом решением вопроса о пограничной области является работа норвежско-российской группы по изучению возможностей для улучшения координации между объектами норвежской и российской инфраструктуры на севере. Отчет о ее работе составлен, он будет иметь важное значение, когда мы будем разрабатывать новый национальный транспортный план.

Но, может быть, еще важнее вопрос о том, какая нужна инфраструктура в свете деятельности в море и ее отслеживания на суше? Здесь нам не хватает информации. Ну да время и результаты разведки ископаемых покажут, что может предложить морское дно. Сегодня мы этого не знаем. И мы не можем строить глубоководные порты, не зная своих потребностей.

Но нам нужна руководящая стратегическая перспектива того, что может потребовать от нас инфраструктура в широком понимании, если развитие пойдет быстрыми темпами. Этой работой сейчас занимается правительство, она, конечно, затрагивает важные стороны деятельности, в частности, Министерства путей сообщения и Министерства рыболовства и береговой администрации и приведет к получению больших знаний для принятия решений в будущем.

И мы замечаем, что на севере царит оптимизм, в том числе и на норвежской стороне границы. Норвежским предприятиям больше не нужна финансовая поддержка властей для подстраховки инвестиций в Россию. У них успешно идут дела. Тому существует много отдельных примеров. Речь идет о секторе поставщиков и других секторах, которые сейчас выходят на Россию. Есть множество примеров предприятий, достигших успеха. Общим для большинства из них является то, что они долго прилагали усилия, иногда их дела шли под уклон, но они выдержали. Бетон, ремонтные мастерские, банк, строительный бизнес, не говоря уже о том, что Россия – один из самых важных рынков для норвежского экспорта рыбы и морепродуктов.

Контактная поверхность в области мореходства огромна, сегодня несколько сотен российских морских офицеров служат на судах, принадлежащих Норвегии. Недопустимая мысль во времена холодной войны.

Государственный пенсионный фонд, инвестирующий в иностранные компании, недавно принял решение войти в Россию. Это тоже большой шаг по сравнению с ситуацией, существовавшей всего лишь несколько лет назад.

Норвежский исследовательский совет осуществляет крупную программу, рассчитанную на 5 лет, с общим финансированием в 25 миллионов крон. Ее тема – геополитические факторы, которые будут влиять на северные регионы в будущем. Россия, конечно, является важной частью этой картины. В течение лета Норвежский исследовательский совет оповестит, какой научно-исследовательский институт и другие круги будут участвовать в выполнении программы.

Остается вопрос о народах, о людях - самом важном ресурсе. При экономическом подъеме, особенно на севере, будет трудно обеспечить достаточное количество квалифицированной рабочей силы по обе стороны границы. Уже сейчас мы наблюдаем нехватку рабочих рук, и она будет только расти. Планируется вновь открыть шахту в Сёр-Варангере. Подумайте только – и это после болезненного закрытия ее в 90-х годах. И, кстати, в качестве признака лучших времен – в Финнмарке нет достаточного количества квалифицированных рабочих, чтобы эксплуатировать шахту. Когда начнется разработка Штокмановского месторождения, в России будет огромная потребность в профессиональных рабочих.

Значит, нашим видением должен быть Баренцев регион как единый рынок труда. Потребности будут зависеть от реализации крупных проектов. Было бы идеально максимально использовать рабочую силу, присутствующую в регионе там, где она требуется в любой момент времени. В том числе использовать через границы.

Многое нужно сделать, чтобы это удалось. Скоро вступит в силу новое норвежско-российское соглашение о визовом режиме, которое упростит выдачу виз и облегчит получение многократных виз для тех, кто много ездит.

Кроме того, с прошлого года мы ищем возможность максимально рационализировать и упростить рассмотрение визовых заявлений и пересечение границы из России в Норвегию, ведь на сегодняшний день около 98% всех заявлений удовлетворяется, а это большая «бумажная работа».

А на прошлой неделе Сергей Лавров и я согласились работать для введения так называемых «удостоверений жителя пограничного района», которые разрешат безвизовое пересечение границы в обе стороны населению пограничных районов.

Лавров на прошлой неделе поблагодарил за то, что Норвегия уже начала предоставлять многократные 5-летние визы россиянам, которые ведут долгосрочное сотрудничество с Норвегией. Он шутливо добавил, что не уверен, хочет ли Норвегия этим показать хороший пример или «поставить Россию в угол». Но это уж решать самой России

Губернатор Мурманской области Евдокимов выразил определенную озабоченность, когда весной ему был представлен наш законопроект, который должен облегчить ввоз рабочей силы из России в Норвегию. Он опасается, что мы «заберем» рабочих из Северо-западной России, которой они нужны самой.

Мы должны работать для того, чтобы обе стороны видели преимущества и обе страны оптимально использовали рабочую силу на севере. Увидеть взаимную выгоду - это как раз отдельный вопрос. Кое-кто утверждает, что россиянам не присуще думать, что существуют ситуации, где есть только победители, что другая сторона должна проиграть, чтобы они почувствовали себя победителями. Может быть, связи на севере дадут основание мыслить по-другому?

Сегодня визовый режим является одной из самых четких разграничительных линий между «востоком» и «западом». Мало чего другого может иметь столь большое значение для уничтожения представления о том, что есть «мы» и «они», как введение безвизового пересечения границы. Прежде, чем это произойдет, нужно создать несколько важных предпосылок. Но уже то, что мы задались этой мыслью, свидетельствует о новых временах. И мне бы хотелось придерживаться видения того, что когда-нибудь у нас с Россией будет «нормальная» государственная граница.

И еще раз, но уже другими словами: мы видим, что сейчас срастание Норвегии и России как соседних народов идет совсем по-другому, чем раньше, по-настоящему. В Норвегии проживает около 10 тысяч выходцев из России. Они придают нашему обществу – нашей новой общности - опыт и разнообразие. В 1990 г. границу пересекли около двух тысяч человек, в прошлом году – почти 109 тысяч. Цифра говорит сама за себя!

Давайте задержимся на вопросе природных ресурсов, на возобновляемом ресурсе, а именно – рыбе, в этом вопросе мы много лет успешно сотрудничали, даже во времена холодной войны. Сейчас благодаря совместным усилиям мы наблюдаем снижение уровня незаконного лова.

А теперь об энергетике – одной из действительных движущих сил на севере. Успех не определяется выполнением отдельного проекта. В будущие года проектов может быть много или ни одного, этого мы сегодня не знаем. Но мало сомнений в том, что участие Норвегии в разработке Штокмановского месторождения имеет большие перспективы. «СтатойлГидро» работает активно, из России приходят известия, что «Газпром» желает привлечь «СтатойлГидро» и к другим проектам. Это было подтверждено на прошлой неделе.

Норвежские поставщики хотят рекламировать себя и устанавливать контакты. Все это благоприятно сказывается на норвежской экономике, но каковы другие важные последствия развития нефтегазовой промышленности в Баренцевом море?

Мы знаем, что мировые потребности в энергии огромны, что в Баренцевом море будут разрабатываться месторождения нефти и газа. Значит, в наших интересах делать все возможное, чтобы это развитие не причинило ущерба морским пространствам. Я считаю, что самое большое влияние мы будем оказывать, если будем развивать сотрудничество с россиянами – у них и у нас. У норвежских компаний есть опыт разработки месторождений нефти и газа в трудных морских условиях и оптимальная основа для ведения разработок экологически устойчивым образом.

Участие норвежской промышленности – это также оптимальный исходный пункт для расширения норвежско-российского энергетического диалога на уровне органов власти. Для начала мы поддержали проект Программы знаний «Баренц 2020», который с помощью Det norske Veritas разработает общие промышленные стандарты для корпоративных требований по охране труда, безопасности и окружающей среды для деятельности на шельфе и морских перевозок. Здесь Норвегия и Россия имеют общие интересы.

И, конечно, еще вот это: важной частью перспектив на будущее, связанных со Шоткмановским месторождением и добычей углеводородов, является быстрое изменение климата на севере. И Норвегия, и Россия – крупные производители ископаемого горючего. На нас лежит особая ответственность за дополнительные меры для сохранения климата. Было бы стратегически неверно, если бы Норвегия не изучила возможности прагматического сотрудничества по этим вопросам с Россией, как мы это делаем с другими партнерами.

Взгляды Норвегии и России на причины этих изменений не совпадают. Жесткие научные теории продолжают присутствовать в российской риторике, хотя и здесь президент Медведев оповещает о новом тоне. Нужно твердо придерживаться цели: если мы с Россией найдем хорошие проекты, от которых будет польза экономике и обществу и которые помогут уменьшить выбросы CO₂, мы будем продолжать исследовать это направление дальше.

Норвежско-российское сотрудничество в области охраны окружающей среды также развивается, и оно необходимо для того, чтобы избавиться от ядерных отходов. В этом вопросе мы продвинулись далеко, но еще совсем с ним не закончили. Остаются еще загрязняющие предприятия, такие, как комбинат в Никеле, который планируется закрыть до 2011 г. С восстановлением поста министра охраны окружающей среды в России мы надеемся, что экологические вопросы и в России займут одну из верхних строчек в повестке дня. Новый президент сигнализирует об этом.

Так что есть много форм сотрудничества и контактов. В области культуры, например, это долгосрочное сотрудничество между Норвежской оперой и балетом и Комитетом по культуре Мурманской области.

Суть моего выступления такова:

Норвегия может показать специфический опыт конкретного и положительного сотрудничества с Россией. Сейчас оно стало широким, но еще есть почва для дальнейшего улучшения и развития.

И, конечно, это не просто. Новая пограничная зона России на севере, введение Россией ограничений на импорт норвежской рыбы, российские сигналы об амбициях на Свальбарде, управление рыболовством и контроль над ним в охранной зоне - это примеры реальных вызовов норвежско-российского сотрудничества.

Я начал свой доклад с бегства судна «Электрон» в море как примера современного фактора риска и примера происшествия, которое нам удалось урегулировать - внутри Норвегии и в контакте с Россией.

В вопросах, где мы не согласны с Россией, происшествия и высказывания могут привести к перегреву, даже в холодных широтах.

Но то, что изменилось и то, что привело к иной ситуации, чем та, которая была у нас ранее, - это качество диалога, который мы ведем с Россией. Мы ведем обсуждение по существу даже в самых сложных вопросах.

И мы посылаем ясные сигналы о следующем: в известных делах, в северных водах Россия может ожидать норвежской предсказуемости и норвежской твердости. Здесь мы говорим о долгосрочности норвежской политики и законности. Так больше будет порядка. Наши двери открыты. Но мы не сводим к «двусторонности» ответственность за суверенитет Норвегии с другими странами.

Итак, друзья, давайте подведем итоги:

Самым важным для связей между Норвегией и Россией является развитие северных регионов, в центре которого стоит двустороннее измерение, здесь оно укрепляется, развивается и углубляется, здесь у нас могут оставаться противоречия интересов, но здесь мы также расширили опыт в их решении. В целом развитие движется в верном направлении. Это одно измерение.

Второе измерение касается отношений между Россией и Западом, куда входит и Норвегия. То, что происходит внутри России, в том числе развитие государственного управления с более авторитарными чертами, не вызывает доверия. Наоборот, это укрепляет представление о том, что Россия остается «иным местом».

И продолжу эту нить: то, что происходит в отношениях между Россией и ее ближайшими соседями, т. е. ее ближним зарубежьем, тоже многозначно, поскольку свидетельствует о воли России проявлять терпимость к тому, что государства, когда-то входившие в состав Советского Союза или в сферу советских интересов, могут теперь свободно выбирать свою принадлежность.

Также важно происходящее в отношениях между Россией и задающими тон странами-членами НАТО и ЕС, поскольку внешняя политика Норвегии в северных регионах касается соблюдения рамок, сформированных треугольником Россия-США-ЕС, и оказания влияния на них.

Поэтому соседские отношения с Россией, которые для нас важны, одновременно являются опытом и ландшафтом, который притягивает Норвегию к центру европейской и трансатлантической политики. Наш вызов и наша возможность – соответствовать этому месту.